

Дарья Гущина

Чай для призрака

Семиречье

18+

Дарья Гущина
Чай для призрака
Серия «Семиречье», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68757132

SelfPub;

Аннотация

Ночью туманы в городе Семиречье стирают любые следы, и убитых колдовством (да и обычным способом) поутру считают самоубийцами. Поэтому матушка Шанэ каждый вечер зажигает свечу, чей огонёк притягивает души убитых, и за чашечкой чая расспрашивает – кто, почему, из-за чего... А если дух мало что помнит, городские сыскники разберутся. Главное, чтобы в убийство поверили. Чтобы убийцу нашли. А дух обрёл покой. Общего сюжета нет. Есть семь детективно-колдовских историй, и каждая со своим сюжетом. Но город и герои – одни и те же. Первая книга цикла «Семиречье».

Содержание

Дело 1: Шёпот осенних листьев	4
Дело 2: Вечные странники	48
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дарья Гущина

Чай для призрака

Дело 1: Шёпот осенних листьев

Сырой ветер гнал по опустевшей набережной первые жёлто-красные листья, и вместе с ними из Семиречья с шорохом улетало лето. Дни становились всё короче, ночи – длиннее, а вечера – холоднее. Ещё вчера обитатели Города-на-семи-Реках, нарядившись, гордо разгуливали по набережным, а сегодня они едва ли не бегом бежали домой.

Матушка Шанэ стояла у окна и наблюдала за торопливыми прохожими. Конечно, чашечка согревающего колдовского чая им бы не помешала, но осень – это время домашнего уюта. Жаркого очага. Весёлого пламени. Потрескивающих дров. Терпкого горячего питья. Мягкого пледа. Любимого кресла. Кошачьего урчания. Родных людей рядом. И доброго, задумчивого молчания.

Темнело. Тучи, весь день пугавшие людей, наконец собрались с духом и уронили первые дождевые капли. Прохожие заспешили быстрее, пряча усталые лица под большими капюшонами непромокаемых плащей. Матушка Шанэ кивнула своим мыслям: да, можно закрываться. Сегодня посетители вряд ли будут. Живые, во всяком случае. А время мёртвых

наступит, как обычно, ближе к полуночи.

Она степенно прошлась по своей чайной, заглянув в каждый зал. В длинный и узкий малый, прозванный прихожей, куда забегали на «быстрый чай» очень занятые посетители. В три просторных средних, где завтракали, обедали и ужинали те, кто, кроме чая, любил вкусно поесть. В семь крошечных «ужинных», куда заходили небольшими компаниями посидеть вечером и посплетничать допоздна.

Раздав служанкам указания и велел вскорости закрываться («Все, кроме одного среднего и прихожей, на всякий случай. Вдруг кого-нибудь дождливым ветром занесёт. Эти закрывайте как обычно, после девяти»), матушка Шанэ заглянула на кухню. Узнав, всё ли готово на завтра, она вернулась в общий коридор, а оттуда – в зал-прихожую. Последнее дело – и наверх, отдохнуть.

В ряду маленьких круглых столиков с белыми скатёрками выделялся крайний слева – на нём единственном, помимо салфеток и сахарницы, темнела старая оплывшая свеча. Матушка Шанэ остановилась у этого столика, сложила ладони и прошептала несколько слов на родном южном языке. В тонких смуглых пальцах, как в клетке, забился голубоватый огонёк.

– Свети, – попросила она и ловко усадила огонёк на маковку свечи.

Короткий фитилёк дрогнул и вытянулся. Весело замерцало пламя, и по стенам загуляли тени. Вот и всё. Теперь

несчастливая заблудшая душа найдёт путь туда, где её приютят, обогреют и даже напоят чаем.

Рядом со столиком, скрытая простеньким заклатьем, находилась дверь наверх. Матушка Шанэ улыбнулась огоньку, открыла дверь и неспешно поднялась на второй этаж. Большую часть его комнат, некогда жилых, занимали тюки с чайными травами и продукты сухого хранения вроде сахара и круп. И лишь две небольшие смежные комнатки, как раз над залом-прихожей, занимали спальня и кухня матушки.

День был спокойный и неторопливый, матушка Шанэ ничуть не устала, поэтому, переодевшись в домашнее платье, с удовольствием провозилась на кухне с кашей на завтрак и овощным супом на обед. И, конечно, с чаем на вечер – а он обещал быть по-осеннему тягучим, долгим, чернильно-чёрным, но бесконечно приятным для души.

Именно за это она и ценила осень – любая незначительная деталь под свист холодного ветра и шорох дождя наполнялась светом и теплом. И все они вместе – и ненужный летом плед, и пылающий очаг, и плотные шторы, и обжигающе горячий чай – без заклятий творили волшебство домашнего уюта. Осенью они сами собой наполнялись чудесной силой.

Закончив с готовкой и перемыв посуду, матушка Шанэ с большой чашкой дымящегося чая удалилась в спальню. Где в очаге уже весело трещал огонь, а в кресле-качалке поверх клетчатого пледа спал полосатый кот.

– Вечерочка, милый, – матушка улыбнулась и поставила

чашку на столик у кресла. – Пустишь к огоньку?

Кот зевнул, потянулся и лениво спрыгнул с кресла, уступая место. Матушка Шанэ закуталась в плед, устроилась в кресле и похлопала себя по коленям. Кот тотчас вспрыгнул ей на руки и довольно заурчал. Тощий, он приблудился совсем недавно, почуяв осень и скорую голодную зиму, и ему сразу же нашлось тёплое местечко. Матушка не бросала в беде никого – ни людей, ни животных, ни призраков.

Чай запах смородиной. Матушка Шанэ пила его мелкими глотками и улыбалась. Сегодня опять заходили колдуны-травники. Они каждый день заглядывают якобы на чай, а на самом деле вот уже тридцать лет (сколько матушка и держит чайную) мечтают узнать секреты знаменитого на всё Семиречье волшебного питья. Конечно, ворчали колдуны, это всё таинственные травы, привезённые матушкой с родных южных берегов. Но – какие именно?..

Она всегда и всем заваривала одни и те же травы, но чай всегда и у всех получался разным. Кто-то уверял, что пьёт липовый чай, а кто-то – успокоительный луговой сбор с мёдом. Кто-то чувствовал вкус сливочной земляники, кто-то – корицы, смородины или малины, а кому-то и вовсе мерещилась капля крепкой вишнёвой настойки.

Матушка же на все расспросы лишь улыбалась и качала головой.

– Вы приходите сюда не только за чаем, но и за тайной. И за капелькой чуда в травяном отваре, – говаривала она. – Так

позвольте же им остаться тайной и чудом. И сделать вашу жизнь на капельку интересней, удивительней и волшебней. Правда убьёт чудо. Отравит скукой. Неужели унылая истина важнее чудесной тайны?

И большинство соглашалось – нет, не важнее, чудо приятней. Тем более чай подстраивался под желания и самочувствие посетителя. И успокаивал злого, и подбадривал унылого, и наводил на нужные мысли думающего, и лечил мелкую хворь вроде головной боли или прихватившего живота.

Однако находились и неуёмные. Но матушка Шанэ всегда встречала и провожала их неизменной добродушной улыбкой и пожеланиями всяческих приятностей, строго храня свои секреты – и древние секреты своего рода.

Стрелки часов ползли к полуночи. Матушка допила чай, откинулась на спинку кресла и погрузилась в приятную дремоту. Хотя, конечно, надобно перебраться в постель... Но у очага спится слаще. И кота тревожить неохота. И...

Треньк.

Матушка резко открыла глаза. Кот поднял голову и зашипел. Началось... Лето было таким спокойным, а вот осень... Осень будит в людях разное. Одних ведёт домой, к теплу и свету, напоминая о важности семьи и святости родного очага. А других, напротив, гонит из дому – в сырую тьму. И толкает на преступления.

Треньк-треньк.

Она осторожно встала, уложила кота в кресло и поспеши-

ла вниз, прежде прихватив с углового столика светлое одеяло и полный, всегда горячий чайник.

* * *

За столиком со свечой сидел одинокий и несчастный, мокрый насквозь парнишка. Он грустно смотрел на голубой огонёк, шевеля посиневшими губами, но не произнося ни звука.

– Эк тебя угораздило-то, сынок, – посочувствовала матушка Шанэ, плечом закрывая дверь. – Осень-то едва наступила, а ты – уже...

Парень вздрогнул и съёжился. Невысокий, сутулый, большеглазый. Мокрые отросшие волосы облепили впалые щёки. Но выбрит тщательно, отметила матушка. И руки чистые, и ногти. И одет небогато, но опрятно – светлая рубаха, тёмные штаны, вышитая тёплая безрукавка, кожаный пояс, новые ботинки. Следит за собой, насколько денег хватает.

– Чайку? – она поставила на стол чайник.

Посетитель снова вздрогнул и вытаращился на матушку.

– Чего смотришь как на привидение? – она улыбнулась. – Призрак-то здесь не я. А ты.

Парень посмотрел на свои руки – дрожащие, мерцающие голубым – и с молчаливой мольбой уставился на матушку Шанэ.

– На-ка, – она набросила на плечи парня одеяло, – укутайся. Согрейся. Можно-можно, не дёргайся. Ты же сидишь

на стуле, не проваливаешься? Это мои чары, сынок. Особые семейные заклятья. Очень древние. Моя семья издавна общается с ребятами вроде тебя. Мы знаем, что с вами делать. Кутайся, говорю. Грейся. Сейчас чашку принесу.

Матушка вернулась к двери – там же, в коридорчике у лестницы, прятались полки с чашками, блюдами и вкусностями. Подсластить горе – это обязательно.

Призрачный парень согрелся и быстро подсох. С одежды перестала течь вода, волосы завились в кудри, плечи расслабились. Матушка Шанэ принесла чашки и тарелку с пирожными, разлила чай.

– Угощайся, сынок. И не говори про деньги. Не надо. Ешь, пей, успокаивайся. А после захочешь – расскажешь, не захочешь – промолчишь. О том, что тебя убили, я и сама знаю.

Посетитель поперхнулся черничной корзинкой и просипел:

– Откуда?..

– Молодец, – похвалила она добродушно и села напротив. – Обычно первые слова призраков – да иди ты, старуха!.. Или молчание и кружка с чайником вдребезги. Или метания со стенаниями и рёвом. А ты, смотрю, воспитанный. Чем зарабатывал?

– Поэт я, – пробормотал парень, опустив голову. – Был... кажется...

– И чем кого обидел? – матушка Шанэ внимательно смотрела на призрака. – Гадости, что ль, писал? Высмеивал в сти-

хах? Или девицу чужую завлѣк сладкими песнями? За что убили-то?

Он фыркнул в чашку, одним глотком выпил чай и скрипелся:

– Не знаю, мать. Не спрашивай... те. Не знаю.

– Можно на ты, можно, – хозяйка чайной улыбочиво кивнула. – А о чём же писал?

– О городе, – парень смущѣнно пожал плечами. – О наших колдовских реках. О природе. Мои стихи не очень ценились. Но иногда просили поздравления сочинить – тем и жил. Жил...

– Ну-ну, нос не вешай, – подбодрила матушка Шанэ. – Ну да, умер. Считаю, отмучился. Разберѣмся с убийцей – и уйдѣшь в одну из наших рек, чтобы очиститься и вернуться в новую жизнь. Которая из рек тебе родная, а? Тягучая, Говорливая, Кипучая, Чѣрная?..

– Лунная, – он опустил заблестевшие глаза. – У неё я и... – поправил одеяло, посмотрел на свои руки, набрался духу и твёрдо сказал: – Не было убийства, мать. Не спал я несколько ночей толком, вдохновение мучило. Я у Лунной сутки напролѣт сиживал. Люблю, знаешь, тот мост со спуском на середину реки. Люблю у самой воды на ступеньках посидеть. Уснул, поди. И всё.

– Нет-нет-нет, – матушка строго нахмурилась. – Нет, сынок. Умерших в покое реки сразу забирают. Лишь один раз за тридцать лет ко мне забрѣл спокойный – дряхлый дед со

слабоумием и беспамятством. Он, понимаешь ли, умер от старости – и тут же по привычке забыл, что умер. Еле-еле в реку спроводила. Никак не мог вспомнить, которая река его. Все остальные – невинно убиенные, заблудившиеся во сне, самоубийцы... А мой огонёк видят лишь убитые. И после полуночи приходят на его зов и свет. Совсем ничего не помнишь, да?

Парень покачал головой и удивлённо уставился в чашку. Та наполнилась чаем сама собой, и сразу же запахло коричневой мятой.

– Пей, – матушка Шанэ улыбнулась. – Чая будет столько, сколько надо. И такого, какой тебе нужен. Напьёшься – прогуляемся.

– Куда? – изумился призрак.

– К Лунной для начала, – она поправила выбившийся из пучка чёрный с проседью завиток. – А там видно будет. Пей, говорю. Не брошу я тебя, горемычного. Звать-то как?

– Дьёр, – парень поспешно встал и поклонился.

– А меня зови матушка Шанэ. Угощайся. А я пока за плащом схожу да переобуюсь.

* * *

Душедарительницы – так ласково называли реки на Севере. Семь рек брали начало где-то в горах, вечных льдах, пересекали Северные земли и, упираясь в Южные горы, сливались

у их подножия в огромное озеро. И во что верили в заозёрном Приграничье и за горами, откуда брались приграничные и южные души, северян не волновало. Лишь бы чужаки, поселяясь среди них, не насмехались над верой в реки и хоть иногда делали вид, что тоже верят.

Истари северяне знали, что именно реки дарят человеку душу и после забирают обратно. И у каждого с рождения была своя река-покровительница. Она не только наполняла силой, но и определяла характер и род занятий.

Так, река Говорливая порождала души людей болтливых и неумных, чаще всего работающих в торговле.

Река Кипучая – людей энергичных и отважных, отчаянных исследователей и непоседливых путешественников.

Река Чёрная – колдунов: с угрюмым нравом и тройным дном, но сведущих в колдовстве и особенно полезных на службе городу. А заодно и травников, и служителей храмов Семи рек.

Река Тягучая – людей основательных, неторопливых, хороших управленцев.

Река Глубокая – людей умных, мудрых, склонных к наукам.

Река Мелкая – людей спокойных и без больших стремлений. Хозяйственных и любящих похозяйничать, буде то огороды, лодочное дело, кухня чайной или свой дом, полный детворы.

А Лунная – река мечтателей, творчества и вдохновения.

Каждого ребёнка родители, даже обитающие далеко от Семиречья, обязательно привозили в город, дабы показать рекам. Лишь здесь семь волшебных рек сплетались в причудливую сеть, да и находился город в центральной части Севера. И дитя обязательно находило свою покровительницу: несёшь мимо чужих – плачет, подносишь к родной – смеётся, ручки тянет. И, конечно, водой сбрызнуть после, чтобы река силу дала, а потом – в храм на поклон.

Город-тысячи-островов – так ещё называли Семиречье, ибо островов было много. Очень много. Но, конечно, не тысяча. Местные жители знали, что в обычное время их не больше трёхсот, включая самые мелкие, едва из воды видимые, а годных для заселения хотя бы одним человеком – ровно девяносто три. Лишь по весне, когда реки разливались, количество островов менялось. Но – приезжие, что с них взять? Увидели, что много, и сразу решили, что тысяча.

И сейчас матушка Шанэ и Дьёр спешили с Третьего острова, что лежал на перекрестье рек Глубокой и Тягучей, к Девятому острову, где начинались удобные набережные и мосты через Лунную.

– И охота тебе, мать, бегать ночью по островам? – ворчал призрак, но за его брюзжанием слышалось смущение.

Вытаскивать пожилую женщину из уютного кресла, заставлять менять плед на плащ, а тапки на сапоги, и бежать куда-то под холодной моросью – это же ненормально.

– Конечно, охота, – отозвалась матушка, привычно свора-

чивая с набережной к лестнице до причала. – Я люблю справедливость. И не люблю бездушных – да простят меня великие пески за слова нехорошие – тварей, которые втихушку убивают порядочных людей. Я же, почитай, лет тридцать так бегаю. И иногда каждую ночь. А иногда и несколько раз за ночь.

Дьёр уважительно хмыкнул.

И на набережной, и на лестничных перилах горели фонари с колдовским пламенем, но ночь выдалась тёмной, безлунной. Поглощающей любой свет и сокращающей видимость до пары шагов.

Матушка Шанэ осторожно спустилась по скользким каменным ступеням и окликнула лодочника:

– Любезный! До Лунной, к Девятому острову, и поскорее!

– Двойная плата, – проскрежетало из мрака со стороны реки.

– Разумеется, – кивнула матушка.

– Седьмой причал. Довезу и уеду. Обратного ждать не буду.

Матушка Шанэ лишь усмехнулась. Дождётся. Сырыми осенними ночами не слишком-то приятно торчать у лодок без заработка.

– Пока добираемся, сынок, не молчи, – попросила она вполголоса. – Рассказывай. Как жил. Что за семья. Были ли враги.

Дьёр нахмурился.

– Ну-ну-ну, – улыбнулась матушка, – это несложно, но

важно. И вот ещё что, сынок. Лодочник тебя не видит и не слышит. Я тебе отвечать не смогу, но с удовольствием послушаю. У меня, знаешь ли, четыре дочки и восемь внуков. Все в Семиречье давно поняли, что я со странностями, но зачем лишний раз об этом напоминать и плодить сплетни? Это вредит семье. Так что не упрямясь. Рассказывай. А я пока помолчу.

Лодочник закончил свои приготовления, недовольно об этом сообщил и неловко помог матушке перебраться через борт.

– Одеяла вон там, – буркнул он и отошёл к корме – отвязать лодку и оттолкнуть от причала.

Матушка Шанэ устроилась под непромокаемым навесом со всеми удобствами – на одно одеяло села, вторым укрыла колени, третье набросила на плечи. Лодочник меж тем достал из кармана плаща круглую склянку, наполненную водой реки Чёрной. За стеклом, как живое, билось полупрозрачное существо. Он прошептал несколько слов и вытянул руку. Склянка лопнула, выпуская на волю помогающий поток ветра.

– Северо-запад, – скомандовал лодочник.

Ветер немедленно наполнил светлый парус, лодочник перебрался к рулю, и судно понеслось по тихим тёмно-фиолетовым водам реки Глубокой. Дьёр проводил набережную тоскливым взглядом, вздохнул и начал скучно вещать.

В последние годы жил он на всё том же Девятом острове.

Батюшка сгинул рано – прибрала Говорливая, – но оставил жене и единственному позднему сыну неплохое состояние. А когда торговое дело отца продали, с деньгами стало ещё проще. Правда, сейчас они уже почти кончились, но нищеты Дьёр не знал.

Матушка тоже недавно скончалась – от старости. После её смерти сын продал отчий дом и купил попроще и поменьше, поближе к любимой реке Лунной. Больше близких родственников, считай, никого. Были какие-то троюродные тётки, но одной не стало ещё до матушки, а вторую он в глаза не видел – матушка с ней разругалась вусмерть ещё до замужества.

С друзьями у него никогда не складывалось – ни во дворе, ни в школе, ни в словесном училище. Одинокий, замкнутый, весь в мечтах, вдохновении и рифмах, Дьёр не стремился к обществу, а общество, само собой, не стремилось к нему. Однокашники есть, но они не общаются со времён выпусков. Так, поздороваются при встрече – и все дела. Врагов поэтому тоже не водилось.

И, нет, никого стихами он не обижал. Не злой он от природы, даже обычно шутить не умеет, не то что зло. Им всегда были довольны, его всегда хвалили. И в местной газете «Вести Семиречья» его стихи иногда печатали. И печатали бы чаще, говорил редактор, если бы город стихи любил. А в Семиречье любили одно – сплетни: кто кого бросил, кто на ком женился, кто кого побил и так далее. Если получалось про любовь написать – эти стихи брали. А поэт и тому радовался.

И, нет, девиц тоже не уводил. Он, признался Дьёр смущённо, однолюб. И со школьной скамьи влюблён в красавицу Бью. А она давно замужем и счастлива. А он её так любит, что не смеет мешать счастью. Даже не признался ни разу, даже в стихах. И о любви потому давно не пишет – душить начинает. Уж лучше о реках.

Вот, собственно, и всё.

– И муж этой Бью ничего о тебе не знает? – шёпотом уточнила матушка Шанэ.

– Знает, – повесил нос призрак. – Мы вместе учились и вместе ухаживали. Но она выбрала его. Конечно, знает. Но и то, что я безобидный, тоже. Всегда здоровается со мной, всегда поговорить пытается. Но о чём мне с ним... молчать?

Матушка задумчиво покивала. Да уж, задачка...

Но, как однажды заметил знакомый сыскник, если нет ни одной зацепки, ищи убийцу в семье. В семейных тайнах – и в семейном наследстве. В обеспеченной семье даже у младенцев могут быть враги. И страшнее такой вражды не придумаешь.

До Лунной они не доплыли – долетели. Лодка стукнулась носом о причал Девятого острова, и её владелец ухватился за поручень, подтягивая судно к берегу.

– На выход, – проскрипел он из-под капюшона и протянул матушке вторую руку.

Она, подобрав полы плаща и подол платья, перебралась на причал. Дьёр молча последовал за ней. Лодочник сразу

же отчалил, но матушку не обманул – она хорошо знала их породу. Вернётся сразу же, как только они уйдут.

– Ну, – вполголоса велела матушка Шанэ, – веди, сынок.

Призрак вёл неохотно, медленно, иногда подолгу останавливаясь на набережной, точно забывая, где он, его любимый мост. Матушка не торопила, с любопытством поглядывая на спящие дома.

Лишь на крупных островах вдоль набережных селились люди зажиточные и дома строились богатые – в линию, в несколько этажей, с яркими крышами и многочисленными колдовскими фонарями, небольшими садами и такими оградами, что порой только крышу и видно. А мелкие и средние вроде Девятого заселялись людьми обычными и по принципу гнездования – где цапнул землю, там и дом. Никаких ровных и чётких улиц, сплошные дорожки, петляющие между оградами запутанным клубком ниток.

За тридцать лет ночной беготни по островам матушка Шанэ побывала почти на всех обжитых и большинстве необитаемых. Лишь на те, где расстояние – шаг на шаг, а вся жизнь – один чахлый куст, не заходила. Но она всегда с одинаковым удовольствием любовалась домами Семиречья. Особенно если время позволяло.

Сейчас же оно, к сожалению, поджимало.

– Слушай, сынок, – негромко обратилась она к призраку, – чем дальше ты тянешь, тем меньше останется следов. Ты же знаешь, любое заклятье тает и уходит в воду. На твоём теле,

как и в твоей крови, уже ничего не найти, даже колдовство обычных снотворных трав, ежели они были, Лунная давно высосала. А когда от вод поднимется первый утренний туман, то и на земле все следы вредоносного колдовства – если оно, конечно, тоже было, – исчезнут.

Дьёр промолчал, лишь сжался и чуть-чуть ускорил шаг.

– Так-то лучше, – матушка тоже ускорила. – Ты ведь знаешь убийцу, да? Или предполагаешь, кто и почему столкнул тебя в реку. И этот человек тебе близок. Вот ты и тянешь время, чтобы я ничего не нашла. А значит, это или красотка Бью, или кто-то из тех родственников, которых ты нарочно не назвал.

Призрак заметно съёжился.

– Полагаешь, убийца оценит твою верность? – с иронией спросила она. – Да он будет смеяться над тобой и жить в своё удовольствие. А ты – вечно маяться и бродить по городу неуспокоенным до скончания времён. Но когда ты рискнешь заглянуть к нему – или всё-таки к ней? – домой, то увидишь сытого, довольного жизнью человека, который ни о чём не жалеет. А ты навсегда останешься несчастным мокрым привидением, и ни одна река тебя не примет.

Дьёр ещё чуть прибавил шагу.

– И в любом случае я обращусь с заявлением к главе сысского отдела Семиречья, который убийствами заведует, – жёстко закончила матушка Шанэ. – У нас с мастером Рьеном давняя дружба. Я не раз выручала его советами, и если ска-

жу, что это убийство, он мне поверит. Даже когда туман последние следы смочет. И его сыскники и колдуны весь город перевернут, но найдут убийцу. Они это умеют.

– Тогда какой смысл тебе самой поисками заниматься? – огрызнулся парень. – Пусть сыскники и ищут.

– Есть смысл, – она нагнала Дьёра и пошла рядом. – Или ты день-другой призраком проболтаешься – или на луну-другую здесь застрянешь. Призраки, знаешь ли, небезвредны. Они насыщаются силами рек, и в них проявляется колдовство. И бездушная природа мстителя. Пока убийцу будут искать без подсказок, и год пройти может. И, чуёт моё сердце, за это время трупов в Семиречье прибавится. Потому что ты не утерпишь и решишь проверить свои догадки. Узнаешь – и обидишься. Очень. И сначала убийце отомстить захочешь, а после – остальным неугодным. А виновата я буду. Я поклялась защищать мир от ребят вроде тебя. Мой род занимался этим всегда. А главная защита – это вовремя решить ваши проблемы и отправить вас в реку на перерождение.

Призрак посмотрел на неё круглыми от удивления глазами – он явно не знал, что в мире мёртвых всё не так просто. Матушка серьёзно кивнула. Дьёр опустил взгляд и рванул вперёд едва ли не бегом. Неизвестно, чего он больше испугался – правды о своей смерти или возможности стать мстительным чудовищем, – но его проняло. И он прекратил притворяться беспамятным.

Матушка Шанэ насчитала десять мостов от причала – от простеньких деревянных до основательных каменных, – когда парень резко свернул к лестнице, похожей на причальную. Однако вела она к одиннадцатому мосту, который находился над водой всего-то на пару локтей. И был совершенно прозрачным, стеклянным – и идёшь по нему точно по лунной дорожке. Река не зря называлась Лунной – ночью она серебристо светилась изнутри и мягко искрила.

На противоположном берегу Шестого острова все спали – лишь уличные фонари тепло подмигивали с набережной. Когда матушка перебралась в Семиречье, то долго привыкала не только к сырому и ветреному холоду Севера, но и к местной странности: острова нумеровались не по порядку, а по размерам. И с самым большим Первым островом соседствовали не только Второй и Третий, но и Седьмой и Семнадцатый. И, по странному стечению обстоятельств, Тридцать Седьмой. Местным было удобно. А приезжие, конечно, путались.

– Нам туда, – указал на прозрачный мост Дьёр.

– Погоди, – матушка оглянулась.

Девятый остров тоже спал. Вдоль набережной тянулась узкая полоса парка, за которой лучились придомовые фонари. И ни одного окна. И ни одного прохожего, ни одного лодочного огонька на реке – осенняя морось рано загнала под крыши всех приличных обитателей Семиречья. А неприличных... сейчас поищем. Матушке Шанэ было важно обойтись

без свидетелей. Её южное колдовство с непривычки и напугать могло. Сильно.

– Ничего не бойся, сынок, – предупредила она Дьёра, шаря в карманах плаща. – Ваши колдуны используют силу рек, а мы, южане, кое-что другое.

– Что же? – загорелся любопытством призрак.

– У вас текут реки воды, – она достала мешочек и распустила тесьму. – А у нас – песка.

Ссыпав сероватый песок на ладонь, матушка подбросила его в воздух и тихо позвала:

– Нарэ, Надэ!

И вот уже два серых пса – крупных, поджарых, остроухих, короткошёрстных – преданно смотрят в хозяйские глаза.

– Запах, – матушка Шанэ указала на Дьёра. – Поиск.

Парень даже попятиться не успел. Один пёс очутился сзади, второй подступил спереди. Чёрные носы одновременно и шумно втянули воздух. Тусклые глаза вспыхнули золотом.

– Учуяли, – довольно поведала матушка, зябко запахиваясь в плащ. – Ждём, сынок. Они быстро найдут след.

– Чей след? – насторожился Дьёр, кося то на одного пса, то на другого.

– Ищите, – коротко велела матушка, повернувшись к призраку и пояснила: – Убийцы, конечно.

Псы растворились в дождливой ночи бледными привидениями. Лишь там, где они замирали, на мгновение появлялось расплывчатое пятно серого света.

– Тогда зачем тебе сыскники? – удивился Дьёр. – Они же, получается, и к дому преступника привести могут? И указать?

– Не совсем, – улыбнулась матушка Шанэ. – Собаки – неживые, это духи. Души тех, кто захотел стать помощниками. Они невидимы живым. И живое находить не могут. Только неживое со следами конкретной смерти и иногда сильное колдовство. Убийство – спланированное ли спонтанное, – дело нервное, и мои помощники всегда что-нибудь найдут. Огрызок табачной скрутки, носовой платок, пуговицу. И они точно определяют, что именно эта пуговица – от убийцы. И след важно найти сейчас, пока с рек не поднялся утренний туман. А дальше всё сделают сыскники.

– А если пуговиц будет много? – усомнился Дьёр. – Разных? И от разных людей?

– Не будет, – весело заверила матушка.

– А если платок найдётся на другом острове?

– А кто об этом узнает? – усмехнулась матушка Шанэ.

– Но это же неправильно! – возмутился призрак. – И незаконно!

– Убивать – тоже, – посерьёзнала матушка. – И, да, сынок, я уверена в своих помощниках. Они никогда не ошибаются. Связь между убийцей и жертвой очень тонкая и хрупкая, но она есть. И она... пахнет. Для моих помощников вещи убийцы будут пахнуть смертью определённого человека, даже если он сначала обронил, а потом убил.

Она медленно прошлась вдоль каменного парапета взад-вперёд, поглядывая то на мост, то на тихо шелестящий парк.

– К сожалению, ваши северные колдуны когда-то потеряли способность работать с духами, – добавила матушка Шанэ. – Да и просто видеть их разучились. И разуверились. Тридцать лет я убеждаю сыскников в том, что не все души сразу уходят в реки, и каждый раз ощущаю, что мне и верят, и не верят. Незаконно уничтожать то, что удлинит расследование? Неправильно говорить, что перчатка на месте преступления найдена, а не на соседнем острове? Возможно, сынок. Но я иду на это, если понимаю, что иначе преступник ускользнёт от наказания, а несчастная душа переродится в чудовище.

Дьёр съёжился и опустил глаза – виновато. Точно себя винил в случившемся, а не неизвестного.

Матушка же оперлась спиной о парапет и предложила:

– А расскажи-ка, сынок, о последней неделе своей жизни. Не торопись. Вспоминай. Это важно. Всё может пригодиться, любая мелочь.

– Да нечего рассказывать, мать, – парень сутуло пожал плечами. – У меня последний год, как из отчего дома съехал, по одному и тому же распорядку. Позавтракать – и к Лунной. За перекусом сходить – и к Лунной. Раз-два в луну в редакцию заглядываю, чтобы новые стихи сдать и заработок забрать. Из прислуги – лишь кухарка, но она ещё до моего рождения в семье работала.

– А перекусы где брал? Из дома? – заинтересовалась матушка Шанэ.

– Иногда из дома, – кивнул он. – Но чаще на Девятом, в закусочной у набережной. Кухарка не любит мелочь, как она говорит, готовить, а холодный суп есть неинтересно. А в закусочной булки вкусные. И чай неплохой.

У матушки имелось своё мнение относительно северного чая, но она вежливо держала его при себе.

– Всегда в одном месте... – повторила она хмуро. – И всегда, поди, в одно и то же время?

– Примерно, – Дьёр смутился. – Знаю-знаю, творческие люди не могут быть аккуратными, у них в жизни сплошной хаос... А вот я порядок люблю.

Дождь усилился. Лунная зашипела, покрываясь холодными мурашками, на набережной вскипели ручьи и лужи. Колдовские фонари тревожно замигали, а их отражения заискрились, растекаясь. В парке зашуршали желтеющей листвой деревья. И именно оттуда, держа в пасти мокрую тряпку, вынырнул один из псов.

– Ну-ка, ну-ка... – матушка протянула руку.

Тряпка оказалась шейным платком – порванным в том месте, где он зацепился за ветку, жёлто-зелёным, под стать листве. И явно женским. Нет, скорее даже девичьим.

Второй пёс вернулся ни с чем, но и ничего – тоже результат. Убийца оставил лишь один след – зато какой.

– Что скажешь? – матушка Шанэ разгладила и растянула

платок.

На лице Дьёра появилось облегчение.

– Не знаю, чей он, – качнул головой парень. – Но точно...

– ...никто из твоих знакомых такой не носил, да? – подхватила матушка, с интересом изучая находку. – А платок недорогой, старый, поношенный. Поди, вообще у этой девицы единственный.

– И немодный, – проявил неожиданные знания парень. – Такой цвет в Семиречье был модным года три назад. В этом году все – и женщины, и мужчины – сине-голубое носят. А что? – он снова смутился. – Если я не как все себя веду, почему я не могу как все одеваться? Ну, в смысле... – и погрузился.

– Всё правильно, – мягко сказала матушка, пряча платок в карман плаща. – Погрусти – светло, добро. И если ты и напитаешься силой рек, то они доброе твоё начало усилят, а не злое и мстительное. Погрусти, сынок. Поплачь с осенним дождём – теперь можно, никто не увидит. И прости. Похорошему прости, с благодарностью за всё, чем тебя одарила жизнь. Думаю, её, – и она свернула платок, – найдут быстро. Поэтому если ты захочешь что-то кому-то передать, я всё для тебя сделаю. Решайся. И идём.

– Куда? – шмыгнул носом Дьёр.

– Обратно, – матушка Шанэ достала из другого кармана знакомый мешочек и велела: – Нарэ, Надэ, домой!

Псы исчезли в пыльном вихре. Матушка завязала мешо-

чек, расправила складки плаща и отправилась к причалу.

Парень последовал за ней, удивляясь:

– Твой плащ даже не *намокает*? Вообще?..

– У южан много разного колдовства, – улыбнулась она. – Да и у вас тоже.

Недавний сварливый лодочник, как и предрекала матушка, ждал у причала. Он зачем-то попытался замаскироваться под незнакомца, сменив один плащ на другой (но почти такой же), светлый парус на синий, а грубый голос на льстивый, но, конечно, никого не обманул.

– Первый остров, любезный, – попросила матушка Шанэ, доставая из очередного кармана мешочек с монетами. – Третий причал.

– А что там? – шёпотом любопытствовал Дьёр.

– Сыскное ведомство, – ещё тише ответила матушка. – У первого причала. А рядом с третьим живёт глава сыскного отдела убийств.

– Так ведь ночь же... – удивился парень.

– Мастер Рьен всегда на страже, – улыбнулась она, устываясь в гнезде из одеял.

* * *

Глава сыскного отдела убийств любовался огнём сквозь узкую рюмку с зеленоватой настойкой. Его отец в своё время был известным кулинаром, но больше мясных пирогов

и супов обожал готовить настойки, что его и сгубило. Ибо потреблять тоже любил. И прибрала его однажды Мелкая в крайне непотребном состоянии, и оставил он после себя троих пацанов сиротами, безутешную вдову, полный настоек погреб и три толстые книги рецептов.

Старший сын унаследовал семейную обеденную и отцовскую любовь к мясным пирогам. Средний – просто любовь к готовке и открыл закусочную. А младший готовить не любил и потому спрятался от отцовской слабости в сыскном деле, дослужился до главы отдела убийств и крайне редко, лишь в беспокойное время и только перед сном, позволял себе ровно семь капель. И хотя спустя несколько лет понял, что гиблый отцовский гнус его не коснулся, семь капель стали традицией.

И знаком: если выпьет – ночь спокойной будет, а если что-то мешает – то что-то случится. И сейчас Рьен смотрел на рюмку с отцовской настойкой и понимал: рано, хоть и глубоко за полночь. И предчувствие ни разу его не обмануло. Ни разу – за почти двадцать лет работы.

За окном сонно бродили призраки дождя, то в стёкла стучась, то по крыше. Рьен невольно прислушивался, но опустевший дом не издавал ни звука, кроме еле слышного тиканья часов в гостиной. Недавно – но опустевший. И за пять лет он так и не привык к его унылой и напряжённой тишине.

Когда у жены и дочки открылась внезапная непереносимость сырости – обе начинали задыхаться, – лекари лишь

развели руками и посоветовали сменить климат. Рьен увёз семью на юго-восток Севера – в крохотный городок Тихополье, откуда до ближайшего мелкого притока реки Говорливой надо было добираться больше суток. Снял домик, попытался обжиться, порадовался вернувшемуся здоровью любимых девочек – и спустя луну запросился обратно. И денег глава сыскного отдела, конечно, зарабатывает больше сельской ищейки, и без дела Рьен не мог. Задышался.

На том и порешили. И на лето жена привозила детей в Семиречье. И двое старших мальчишек на каникулы приезжали (их сырость не коснулась, но на семейном совете было принято детей не разлучать, плюс занятость у сыскников такая, что не до присмотра). И денег хватало. И любовь не угасала. Но каждый раз ему заново приходилось привыкать к опустевшему по осени дому. Как жёлтые листья по ветру – так и мёртвая тишина после весёлого детского гомона.

В дверь вежливо, но настойчиво постучали.

Рьен поставил рюмку на стол, встал и запахнул домашний халат. Вот оно и случилось – то самое что-то... Он торопливо вышел из кухни в тёмный коридор и в несколько шагов добрался до входной двери. Кого принесло на ночь глядя, его не интересовало. Рьен сразу открыл дверь и ничуть не удивился, увидев невысокую фигурку, закутанную в длинный песочного цвета плащ с восемью щелями карманов вместо обычных двух.

– Матушка Шанэ, – он улыбнулся и посторонился. – Доб-

рой ночи. Никак вам опять не спится?

– Да будь ночь доброй, конечно, спала бы, – благодушно отозвалась матушка, проходя в дом и скидывая капюшон. Вдоль узкого смуглого лица зазмеились, выбившись из пучка, смолянисто-седые прядки. – Но – дела, дорогой мой, дела. К несчастью, наши с тобой общие.

– Прошу на кухню, – Рьен указал направление, но больше по привычке.

Ибо вот уже почти двадцать лет матушка Шанэ прибегает к нему недобрыми ночами с делом. И тоже никогда не ошибается.

– Заходи, сынок, не стесняйся, – матушка обернулась на закрытую входную дверь и пояснила для Рьена: – Убили ночью мальчонку. Вот, привела.

– Где? – подобрался сыскник. – Кого?

– погоди, милый, – попросила она и снова глянула на дверь, терпеливо повторив: – Заходи, Дьёр. Мастер Рьен в вас, призраков, верит.

– Почти, – шёпотом поправил он.

А сам быстро перебрал в памяти все известные имена.

На Севере было дурным тоном и нехорошим поверьем носить одинаковые имена. Считалось, что при совпадении имён ребёнок разделит силу и судьбу с кем-то, не принеси реки, незнакомым и непонятным. Похожие – да, случались, от умершего предка унаследовать – запросто, одинаковые иметь – нет. Зато фамилии были простые и зачастую оди-

наковые у половины семиреченцев, поэтому использовались редко. (Или же поверье возникло из-за распространения одних и тех же фамилий.)

Так, Дьёр, Дьёр... Звучало знакомо.

– Это не поэт, часом? – Рьен тоже посмотрел на дверь. Конечно, никого не увидел, но он действительно верил в духов. Почти. – Парень, ты не тот поэт, который в «Вестях Семиречья» так душевно про реки писал?

– Ну наконец-то! – улыбнулась матушка и повернулась к хозяину дома: – Верно, сынок. Поэт. Незадолго до полуночи его столкнули в реку Лунную со Стеклянного моста. Или усыпили, или усталостью воспользовались – не скажу. Но вот утонул парень с чужой помощью. Это я могу сказать точно.

Рьен всегда подозревал, что в сынки он не годится – не такая уж у них с матушкой разница в возрасте, – но давно смирился и привык: и к сынку, и к дороговому, и к прочему. Всё же почти двадцать лет в одной упряжке и за общими делами.

– Река Лунная и Стеклянный мост, – повторил он. – На кухню прошу, матушка. Вы там всё знаете – где кипяток, где кружки. А я сейчас.

И поспешил по коридору к кабинету. Третья дверь – стол – склянка с водой реки Чёрной – второй стол, поменьше и свободный... Это всё повторялось из ночи в ночь. Рьен привычно разбил склянку о крышку стола и произнёс над растёкшейся водой имя помощника:

– Мьёл!

Вода отражением показала кровать и спящего (к счастью, в одиночестве, а то бывала и иная картина) помощника. После начальственного окрика Мьёл перевернулся на бок и сонно пробормотал:

– Чего вам?

Мьёл служил при главе отдела убийств уже лет десять и был очень сильным колдуном, поэтому иногда позволял себе некоторые вольности.

– Лунная, Стекланный мост между Девятым и Шестым. Живо изучить, – велел Рьен. – И труп в реке найди – на мосту парня недавно убили. Следов, скорее всего, никаких нет, но ты покопайся. Найди хоть что-нибудь.

– Опять эта ваша ненормальная из чайной? – Мьёл с ворчанием протёр широкое носатое лицо. – Полчаса-час – и нет следов, вы же знаете. И не жертва уже, а самоубийца. Или случайно утоп. Где я вам чего найду?

– Ты уж постарайся. Я в тебя верю, – снизошёл до льстивого начальник. – Группу собрать?

– Сам вызову, – пробурчал помощник, лениво потягиваясь. – Если надо будет.

– Убитый – Дьёр, – ударил напоследок Рьен. – Ты его стихи обожаешь.

– Откуда вы знаете? – покраснел Мьёл, и с постели его как ветром сдуло, лишь донеслось глухое: – Считайте, я уже там! Картинка пропала, и над столом поднялся чёрный пар.

Рьен быстро переоделся в рабочее, сгрёб с соседнего стола подготовленные писчие принадлежности и поспешил на кухню. Мьёл найдёт. А если нет...

Предыдущий глава отдела убийств, наставляя Рьена, сразу предупредил: призраков к делу не пришивать. Слушать матушку Шанэ можно и нужно, верить ей – тоже. Но при этом обязательно находить то, что укажет именно на убийство – любой след, любую мелочь. Иначе, несмотря на подробные рассказы матушки, закрывать дело с пометкой «случайная смерть». Ибо никто призраков не видел, кроме одной весьма странной чужеземки, в законах они не учтены – и, да, к делу их пришивать нельзя.

И Мьёл что-нибудь да находил. А если нет – они шли от обратного. Находили убийцу по объяснениям матушки Шанэ и указаниям жертвы, и колдун лениво бросал: «Ничего, сам скоро прибежит каяться». И ведь действительно прибежал.

Тем временем матушка обжилась на чужой кухне как на своей. Рьен знал, что она презирает северные чаи и носит с собой свои. А вместе с ними – и волшебное блюдце для призрака (чашку в карман плаща не спрячешь – неудобно). И именно в такие моменты он и начинал верить в призраков – когда с блюдца исчезал чай, а на стене за пустым стулом появлялась чужая тень.

– Итак, – Рьен сел за стол напротив того самого «призрачного» стула и уже опустевшего блюдца, – говори, парень. Кто

таков, где жил, чем в последние дни занимался, что последнее запомнил?

Матушка Шанэ, в задумчивом молчании сидевшая рядом с призраком, встрепенулась. Тень шевельнулась, повернула курчавую голову к Рьену и послушно «заговорила». И матушка пересказала всё, что выудила из Дьёра накануне, плюс ещё кое-что по мелочи.

– Что, совсем ничего подозрительного не заметил? – поднял тёмные брови сыскник. – За тобой явно наблюдали, отмечая все твои привычки, а ты?

– А у него же вдохновение, – грустно пояснила матушка Шанэ. – Мимо знакомого в полушаге пройдёт – не заметит. Его окликают – а он не слышит. А когда доходит, что кто-то звал, оказывается, уже час с тех пор прошёл.

– М-да... – Рьен цокнул языком и перебрал свои записи.

Тень понурилась. В окна с новой силой заколотил дождь, в очаге рассерженной кошкой зашипело пламя.

– Значит, врагов нет, больших денег тоже нет, а из родных – только некая тётка, – подытожил хозяин дома.

– Троюродная, – уточнила матушка. – Живая. А второй, тоже троюродной, давно нет, но родня-то у неё, поди, есть.

– Найдём, – задумчиво кивнул Рьен. – Поговорим. А вы, матушка? Не поверю, что вы ко мне только с призраком. Вы всегда что-нибудь находите на месте преступления.

Она смущённо улыбнулась и показала шейный платок, который прежде прятала под столом.

– В парке нашла, – призналась виновато. – В том, что на набережной на Девятом, недалеко от Стеклянного моста. Силой своей клянусь, сынок, он преступницей потерянный.

– Сирень, – приняхался Рьен. – Жена одного моего подчинённого любит сиренью злоупотреблять. Однажды так надушилась, что мой отдел полдня чихал, хотя она всего-то на минутку забежала. Ввек не забуду. Уточню, где берёт.

– Ну и, как Дьёр заметил, цвет нынче немодный, – скромно добавила матушка Шанэ. – Сейчас, поди, такой нигде не купишь. Трёхлетней давности вещь. Или очень бедна наша девица, если не может позволить себе новый платок, или приезжая и не знает, по какой моде одевается в этом году Семиречь.

– Скорее, второе, – сыскник снова приняхался. – Мы не бедствуем, а в лавке для пробы так сильно не надушат. Хотя, – он повернулся к очагу и рассмотрел затяжки на платке, – девица может быть и не девицей. Вы ведь тоже не в модном цвете, а?

– Ну, я – это я, – засмеялась матушка Шанэ. – Я – старая чудачка и люблю свои старые вещи. Чем вещь старше – тем любимей и тем больше душу греет. Ой, сынок... Да и сирень – она тоже не для молодежи... Но платок-то девчоночий, две мои младшие дочки в таких ходят. Он же тоненький совсем, для красоты. А мы, постарше, потеплее вещи любим. Или... всё-таки приезжая. Не ожидала скорых холодов, да? – матушка оживилась. Она обожала строить предположения. – И

денег лишних нет, чтоб купить потеплее. А сирень... А ведь в лавках можно надушиться за деньги. Учти, сынок. Не на пробу – чуть-чуть и бесплатно, а именно на день и за деньги. Это дешевле, чем целую склянку покупать, потому и в ходу. Слыхал о таком?

– Найдём, – повторил Рьен и положил шейный платок на стол, – с такими-то приметам. А если платок речной воды не касался и в тумане не побывал, то мой колдун быстро след возьмёт.

Он внимательно посмотрел на тень – на понурую курчавую голову. И мягко спросил:

– Ещё что-нибудь добавишь?

Голова качнулась: нет.

– Тогда я вас оставлю, – Рьен поспешно встал. – Побегу догонять своего помощника.

– Конечно, – бодро подскочила матушка Шанэ и остроглянула снизу вверх: – В верхнем ящике комода, где у тебя чай, белый мешочек с травами – для семьи. Узнаешь, кто убил, – заходи после девяти вечера. Чтобы Дьёр услышал. Тогда он сможет спокойно уйти в свою реку. А я тебе ещё чая целебного дам. Ты зря, сынок, стесняешься. Ведь помогает же? Да?

– И ещё как, – улыбнулся сыскник. – Спасибо вам.

– Жду, – подмигнула она. – И обязательно с подробным рассказом.

– Сдаётся мне, вы уже всё знаете, – заметил Рьен прозор-

ливо. – Кто, когда, за что...

– Ничего подобного я не знаю, – разгладила подол платья матушка. – Я сильна в поисках и предположениях, а вот правда от меня всегда прячется, – и торопливо, шёпотом: – Ну хоть подскажи, сынок! Ни денег у мальчика, ни дела, до зависти прибыльного, ни жены-красавицы... Ну за что?

Рьен глянул на свои бумаги, на тень и тихо ответил:

– Если у парня нет больших денег, это не значит, что та же его троюродная тётка нищая. И имеет прямого наследника. Но это только одна из версий, матушка. Чаще всего убивают или из-за денег, или из-за вражды, или, так сказать, по любви, или по случайности-глупости. Я всегда начинаю с денег, и в большинстве случаев первопричина – именно они.

* * *

Беспокойный дождь шёл третий день – то мелко-мелко, почти не мешая, то хлёсткими злыми потоками, загоняя прохожих под крыши. Лишь реки радовались дождям – шипели, вскипали, вставали на дыбы, бились в каменных берегах. И в такую погоду только работники Речного ведомства и отдела наблюдения не сходили с набережных, постоянно замеряя уровень воды. Наводнения в Семиречье были редкостью – реки любили жизнь и живых, – но случались.

– Он придёт, – матушка Шанэ подлила Дьёру чая. – Не переживай, сынок. Скоро придёт. И ты обретёшь покой.

И не только мастер Рьен, подумала про себя матушка. Но об этом она пока не говорила. И не была уверена до конца, и не хотела портить возможный сюрприз.

Поэт взял чашку и грустно глотнул чаю. Он давно и сильно хотел удрать от опеки, но не выходило. И матушка запретила («Здесь, сынок, ты силу рек не впитаешь, и губительные изменения в тебе не начнутся. Сиди»), и чайная не отпускала. В прямом смысле слова. Войти в неё сквозь стены получилось, а вот выйти – уже нет.

Часы пробили девять, и в дверь постучали. Дьёр с матушкой одновременно выдохнули. Развлекать нервного призрака – та ещё забота.

– Вот видишь! – просияла она и крикнула: – Открыто!

Хотя на двери висела иная надпись – «Закрыто».

Мастер Рьен вошёл в чайную и затоптался на пороге. Вода стекала с его заколдованного плаща ручьями, но сам сыскник был сух и свеж. И очень доволен.

– Нашли, – торжественно сообщил он с порога.

– Сейчас чаю принесу, – засуетилась матушка Шанэ. – За это надо... посидеть.

Отдельные чашка с чайником для живых, отдельные – для мёртвых. Подобным образом стол накрывался много раз, но Рьен отчего-то до сих пор не привык сидеть за одним столом с призраком – и с двумя чайниками, и с чашками из разных наборов.

– Матушка... – глотнув чаю, Рьен с укором посмотрел на

хозяйку чайной.

В его горячем питье явственно ощущалась капля мятной настойки.

– Это не я, – весело заверила она. – Это то, что тебе сейчас нужно. Расслабься, сынок. Рабочий день закончен, а до дому тебе от меня всего-то через мост. Пей. И рассказывай. Извёлся же парнишка-то, – и шёпотом добавила: – И я тоже.

Рьен сделал несколько мелких глотков, дождался, когда опустеет вторая чашка и на стене появится размытая курчавая тень, и неспешно, обстоятельно поведал о том, что им с помощниками удалось раскопать.

История убийства несчастного поэта была проста и горька, как сырой осенний вечер.

Та сама живая троюродная тётка собралась отчаливать в мир рек. Это молодые не понимали, что их может внезапно унести несчастным случаем или болезнью, а старики ощущали скорую смерть, слышали во сне зов своей реки и понимали, что вот-вот увидят Призрачный причал, а Лодочник протянет им руку, помогая попасть на борт своего судна.

Почувяв отбытие, тётка – богатая вдова успешного торговца – занялась поисками походящих наследников. У неё было три дочери, но муж перед смертью завещал передать значительную часть своего состояния парню. Будут внуки – в семье наследство останется, а нет – так у него, торговца, братья были по другим родовым веткам. Но уж если и там мальчика не найдётся, то тогда ладно, тогда между дочками всё

поделить.

А у дочерей были только девочки – у всех троих. А тётка очень любила мужа, чтילה его память и делать вид, что не нашлось мальчика, не собиралась. К тому же они с ним из одной реки – из Говорливой. И встретит он её – и что она скажет, как оправдается, если волю не выполнит?

Тётка, сама проживающая в недельном пути от Семире-чья – в крупном городе Севера под названием Лихов одье, – наняла вневедомственных сыскников, и те взялись копать. И выяснили, что по ветке мужа есть целых два парня – трою-родной линии, но всё же. Развели родню когда-то по разным берегам жизненные обстоятельства, но для тётки это препят-ствием не стало.

Зато стало ударом для одной из её дочерей (в интересах следствия и по этическим соображениям Рьен опустил в рас-сказе её имя). Узнав имена претендентов, она лично съез-дила и познакомилась с каждым. Ей претило, что семейные деньги уйдут на сторону – совершенно незнакомым людям. Что это за пережиток прошлого – чтобы наследником обяза-тельно был мужчина? Конечно, отец им отщипнул от общего «пирога», да и мать обещала не обидеть... Но – жадность. Один из самых страшных грехов.

Именно тогда, три года назад, недовольная девица и купи-ла здесь шейный платок – для своей старшей дочки. А когда пришло время сделать дело, взяла его с собой для моральной поддержки – чтобы помнить, зачем она всё это затеяла. Для

семьи, конечно, убеждала себя, для безбедной жизни своих девчонок. Дочка с платком не хотела расставаться – очень уж ей цвет нравился, до растяжек заносила... «Верните доченьке платок как-нибудь, пожалуйста», – такова была последняя просьба преступницы.

– А второй наследник кто? – с интересом спросила матушка Шанэ.

Она слушала, подперев ладонью щеку, а тёмные глаза горели любопытством.

Рьен поставил на стол пустую чашку и мягко сказал:

– Своим вмешательством вы спасли ему жизнь, матушка. А может быть, не только ему. Второй-то наследник на самом деле первый – он старше Дьёра. Живёт в нашей Семиреченской округе – в городишке Мелкоречье. Может, слышали? В дне пути от нас по Мелкой, среди её притоков.

Матушка кивнула.

– Но он, первый-то, непростой парень. Бывший военный, слабый, но колдун – это не юный одинокий поэт. Да и служит при Речном ведомстве – хорошие связи имеет. И большую семью. Просто не подобраться. Поэтому наша девица и решила попробовать свои силы сначала на втором – беззащитном и безобидном. Сложится с ним – судьба значит. И со вторым сложится. Подумаешь, утонули оба – один вчера, второй дней через десять. Следов не нашли? Нет убийства. Совпадение.

– А вы нашли? – живо спросила матушка Шанэ, искоса

глянув на совершенно опустошённого, придавленного правдой Дьёра. – Следы?

Вот же не свезло мальчику...

– Нашли, – Рьен улыбнулся. – Мьёл, мой помощник, когда очень захочет, всё найдёт. Конечно, ни заклятий, ни зелья не осталось, но остались последствия. Парень такой скрученный был, что Мьёл твёрдо сказал: огонь-травой напоили. Известное, в общем-то, средство. Без выраженного вкуса и запаха. Сначала от него рвёт, потом скручивает, а потом сознание теряется. Побоялась просто снотворное дать – вдруг не упадёт в реку. А под действием огонь-травы такие судороги и метания, что на узком месте не удержаться. Мы нашли в архивах подтверждение с лекарскими доказательствами, а внутренности сравнить – минутное колдовство.

Матушка закивала со знанием дела – в травах она разбиралась лучше, чем в мотивах и убийствах.

– Девица, кстати, призналась. Сразу. Рассказала, где пузырьёк с зельем добыла и где утопила. А когда я про сирень спросил, она пожала плечами и сказала, что дура. Что если бы не сирень, мы бы её сроду не нашли. А надушилась она для храбрости. И мы действительно нашли её через одну из лавок, о которой вы, матушка, упомянули. Пёстрый и немодный платок там вспомнили сразу, как и его владелицу. А дальше – художник, Приграничное ведомство, списки и описание приезжих, гостевые дома...

– Она что, в Семиречье осталась? – удивилась матушка

Шанэ.

– Осталась, – поморщился Рьен. – А знаете, почему? На наследство права заявить хотела. Приехала, мол, брата повидать, а он утоп. А я вот тут, я сестра, и дом его, значит, мой теперь, и всё остальное. Поразительное бесстыдство.

Дьёра рассказ явно расстроил – он понурился. Сыскник заметил это и поспешно сменил тему:

– А ведь мой помощник – большой почитатель твоих стихов, парень. Я как-то к нему в кабинет заглянул – а у него на столе вырезки из «Вестника». А там только твои стихи. Хорошее ты наследие оставил. Хочешь, мы всё твоё творчество опубликуем? Я редактора «Вестника» хорошо знаю, он мне не откажет. Часть в газете постепенно выйдет, а потом всё книгами. Отделом скинемся и заплатим, если наш издатель мастер Гьир заупрямится и заявит, что не окупится это книжное колдовство. Хочешь?

Кучерявая голова тени застенчиво кивнула.

– На том и порешили, – подытожил Рьен, вставая. – Твоих наследников мы найдём и обо всём договоримся. А что по нашим законам ждёт убийцу, ты знаешь. Иди с миром, Дьёр.

Утопление в чужой реке. Законы Севера суровы к тем, кто убивает расчётливо и с умыслом – жизнь за жизнь. И обязательно в чужой реке, чтобы душа поскиталась в поисках своей и как следует раскаялась в содеянном.

– А вас, матушка, жду завтра у себя в кабинете, – Рьен накинул плащ. – Как обычно: вы прогуливались, услышали,

проверили, доложили...

– А шейный платок кто найдёт? – практично уточнила матушка Шанэ.

– Завтра с утра Съят всё придумает, додумает и решит, – улыбнулся сыскник. – Вы же знаете, он до смерти боится трупов, зато такие высокохудожественные отчёты пишет, что даже из отдела краж почитать просят. И переманить уже который год пытаются. Но мы не отдадим – самим нужен, – Рьен застегнул плащ и почтительно склонил голову: – Доброй ночи, матушка. Быстрой воды, Дьёр.

Когда за мастером Рьеном закрылась дверь, матушка Шанэ повернулась к призраку и тихо спросила:

– Так вы были знакомы? С этой сестрой?

– Были, – убито отозвался призрак, ёжась под одеялом. – Но не знаю, с этой ли. Да, три года назад нашла меня одна сестрица. Сразу мне не понравилась. Пожить попросилась, про стихи расспрашивала, про то, известен ли я... И как случилось... сразу на неё подумал. Не нищий же, не бездомный, да и известность есть. Но, мать... она сестра же.

– Добрый ты, сынок, слишком, – качнула головой матушка Шанэ и посмотрела на часы.

Почти десять. Почти время. Убрать грязную посуду, поставить новую кружку – и новый чайничек...

В дверь снова постучали – тихо, неуверенно.

– Кто это? – насторожился Дьёр.

– Увидишь, – улынулась матушка, вставая из-за стола.

Спустя минуту в чайную вошла невысокая девушка – темноволосая, зеленоглазая. Не красавица, но очень милая – с круглым личиком, россыпью веснушек вокруг вздёрнутого носа, ямочкой на подбородке. Заметив тень с кудрявой головой, она сжала дрожащие губы, но не выдержала – из глаз покатились молчаливые слёзы.

– Бью... – растерялся поэт.

– Давай-ка плащ помогу снять, – заворковала матушка Шанэ. – А теперь за тот столик садись, дочка. Садись-садись... Сейчас чайку сделаю... Боль не уймёт, но душу успокоит.

– Бью... – повторил дрожащим голосом Дьёр.

Девушка села за стол, снова посмотрела на тень и опять расплакалась – матушка едва успела сунуть ей носовой платок.

– Любит она тебя, дурачок, – мягко сказала матушка Шанэ. – Дорог ты ей – как друг, как брат. Всю жизнь она тебя оплакивать будет. Но ты не жалея, что чего-то не успел при жизни. Лучше скажи – отдать? То, что лишь для неё написано?

– А ты где их взяла, мать? – изумился призрак.

– Осенний ветер принёс, – весело отмахнулась матушка и исчезла в потайном коридоре, чтобы быстро вернуться со стопкой старых тетрадей.

Толстых, пыльных, с пожелтевшими страницами, убористо исписанных.

– У вас час, дети, – предупредила матушка Шанэ. – От силы два. Лодочник уже в пути, и Призрачный причал позовёт в любой момент. Бью, – она ободряюще улыбнулась девушке, – соберись. Успеешь оплакать. Соберись и скажи всё, о чём молчала. И проводи – пусть он со спокойной душой уйдёт. Просто говори – Дьёр здесь и всё слышит. А когда уйдёт... ты поймёшь. А это, – и положила на стол тетради, – его слова. И его ответы на все твои вопросы.

Она долила каждому свой чай, попятилась к тайной двери и добавила:

– Я вас оставлю. Бью, кто тебя после проводит?

– Брат, – шмыгнула носом девушка. – Он лодочник. Ждёт у причала.

– Час у вас точно есть, – повторила матушка Шанэ, открывая дверь.

– Подождите, – Бью отёрла слёзы и встала. – Вы... Как вы узнали?.. Что случилось?.. Ну и... – её губы снова дрогнули предательски.

– Осенние листья нашептали, – подмигнула матушка. – Подробности расскажу позже. Знаю, ты, как и все семиреченцы, не очень-то веришь в призраков и мой дар. А он есть. Но о нём – потом. Хочешь – оставайся после и поговорим. Или заходи в любое время. Я всегда буду тебе рада, Бью. А теперь прощайтесь, дети.

И она ушла, тихо притворив дверь.

Хвала вечным пескам, всё получилось.

Дело 2: Вечные странники

– Сынок, я же не раз тебе говорила: не все души убитых на мой огонёк приходят, – матушка Шанэ терпеливо улыбнулась. – Моего приюта и помощи ищут лишь незнающие – кто их убил, зачем, почему. Это и при жизни случается: человек не знает, мечется, мучается, ищет ответа, не находит – и придумывает, и верит в него. И перерождается для новой веры и нового себя. То же и с душой происходит, только она ещё и силу рек вбирает, пока мечется. И потому Лодочник не может сразу до души добраться.

Она пригубила чаю и добавила:

– А если человек знает, кто – или до смерти узнаёт, или сразу после, или подозревает, что убьют его, – чего ж ему метаться? Да, обидно, да, отомстить хочется, но главное – он *знает*. И Лодочник тоже – где именно душа находится. Иначе бы – слыхала я от зятя, сколько в трущобах за ночь народу порезать могут, – у меня бы тут не протолкнуться было.

– И ваша сила распространяется не только на Семиречье, но и на города-соседи? – уточнил Рьен на всякий случай и не для себя.

А для третьего собеседника – седоусого сыскника из близлежащего, всего-то ночь вниз по реке Тягучей, крохотного городка Мелкодонье. Мастер Тьёш выглядел угрюмо, к чаю

так и не притронулся и всё ждал, когда они перейдут к делу, ради которого он и приехал спозаранку на поклон к главе столичного отдела убийств, нарядившись в свой лучший выходной костюм.

– Конечно, – кивнула матушка Шанэ. – И были, помнится, мелкодонцы, были. Но давно – почитай, лет пять назад последнего привечала. Тихо у вас, – добавила она, кивнув гостю, – спокойно. И городок славный.

– И всё-таки послушайте мастера, – настойчиво попросил Рьен. – Рассказывай, Тьёш.

– С самого начала года у нас странно умирают люди, – приезжий сыскник сразу приступил к делу. – Едва закончились прошлая осень и дни Мёртвого времени, как в первый же день зимы привезли замёрзшего бродягу. Ничего странного, подумали мы. А в конце зимы привезли следующего – одинокая старушка отправилась вечером в лавку, а утром её нашли рядом с домом. Три шага до крыльца не дошла.

Матушка Шанэ нахмурилась. Она пока не понимала, причём тут её дар, но Рьен бы кого попало не привёл. Если его нюх подсказал, что дела Мелкодонья – это и её дела тоже... Значит, так оно и есть. Нюх у Рьена всегда был отменный.

– Весной – новый мертвец, – степенно и основательно докладывал мастер Тьёш. – В первый же самый день. Тоже бродяга, и не наш, не местный. Позже мы выяснили, что, простите, семиреченский он. Неизвестно, зачем забрёл, но и неважно это. После – тишина. А в последний день весны...

Матушка внутренне похолодела – она начала понимать. И пусть сыскник пока не всё важное озвучил (а может, и не нашли они этого), матушка Шанэ и без главных доказательств объяснила бы, кому и зачем нужны смерти в начале и в конце сезона. И для чего неизвестный их использует.

– ...и дальше – в последний день весны, – продолжал подробно излагать сыскник. – И тоже бродяжка – мальчишка, лет десять. А в первый день лета – второй, его дружок. Они всегда парой бродяжничали, друзья не разлей вода. Их вечными «бегунками» называли – нормальные семьи, работающие, а у пацанов река Кипучая в душах бурлила, простите, чрезмерно. За ними весь город присматривал, все подкармливали и кров давали... Да вот недосмотрели.

Матушка открыла рот для вопроса, но, поймав многозначительный взгляд Рьена, промолчала.

– Этим же летом, то есть пару лун назад, наш колдун взял молодого помощника на обучение сыскному делу да чтоб вместо себя потом оставить. Сам-то он ничего не видел, да и мы не находили. Причины – когда явное обморожение, когда от явной старости, а мальчишки где-то вино раздобыли палёного, простите, качества. И люди все разные – и просто одинокие, и бродяги, и юные дурашки, и мужчины, и женщины, и старики, и дети. Вроде бы ничего общего... пока наш молодой рвение не проявил.

Матушка Шанэ наострила уши.

– Тела мы в «ледяной» мертвецкой храним одну луну, –

мастер Тьёш по-прежнему говорил ровно и сидел с прямой спиной, как перед начальством. – После либо семье отдаём, если опознаны, либо прах по родной умершему реке пускаем, если он в храме зарегистрирован, либо по Кипучей – служители храмов говорят, что ей бродяги принадлежат как вечные странники. Но колдун, конечно, с тел слепки снимает и хранит их в склянках, чтоб можно было вернуться к делу.

Рьен выразительно поднял указательный палец: внимание, мол.

– Мальчишки мёртвые молодому нашему не достались. Но досталась одна лёгкого, простите, поведения девица, которую нашли в конце лета – прямо на главной набережной реки Тягучей. Долго он вокруг неё вертелся – никаких причин смерти, даже из-за вина. Просто уснула и не проснулась отчего-то. А молодой – он же молодой, ему же надо доказать, что он не недоучка, – и приезжий сыскник впервые позволил себе эмоцию – улыбнулся в густые усы, но сразу же посуровел: – Он-то и нашёл странную метку – мелкую, на левой ступне у пальцев. С виду – синяк синяком, но в форме знака. Молнии. От него все отмахнулись, а в первый день осени – новый труп. Парнишка-посыльный, сирота. Тоже без каких-либо причин помирать. И тоже с синяком на ступне.

Мастер Тьёш перевёл дух и глотнул чаю, чтобы промочить горло. Матушка воспользовалась паузой и тихо спросила:

– А знаки одни и те же или разные?

У Рьена загорелись глаза, но он смолчал, хотя засыпать

матушку вопросами хотелось до невозможности.

– Разные, – приезжий сыскник вытащил из внутреннего кармана расстёгнутого плаща пачку сложенных листов. – Молодой наш, уловив в этих смертях некий смысл – первые и последние дни сезонов, синяки эти, ненужность обществу большинства жертв, – изучил все слепки и у всех нашёл синяки-знаки.

– Вот, гляньте, – Рьен протянул матушке через стол листы.

– А после, конечно, колдун наш полез в архивы, – добавил мастер Тьёш, – но ничего не нашёл. В семиреченском архиве тоже ничего. А раз здесь нет... то, вероятно, это не северное.

– И мы к вам не как к духовидцу, а как к жительнице Юга, – пояснил Рьен. – Что скажете?

Матушка Шанэ быстро перебрала листы с рисунками и ещё больше похолодела. Столько лет – нет, столько веков (!) назад – это запретили... Откуда же она всплыла, эта гниль, да ещё и здесь, на Севере, где нет подобных запретов – потому что нет признанной колдовской работы с душами умерших...

– Друзья мои, не желаете ли отобедать? – она отложила листы. – А я тем временем расскажу вам одну южную историю.

– Да, – ответил за двоих Рьен и, повернувшись к сыскнику, распорядился: – Не спорь, Тьёш. Ты и сегодня не завтракал, и вчера вряд ли ужинал. И ты не на приёме. Расслабься и поешь. Это приказ.

Приезжий сыскник длинно выдохнул и сразу же обмяк, откинувшись на спинку стула. Рьен встал, снимая плащ и шейный платок, а матушка Шанэ позвонила в колокольчик, вызывая служанку, и попросила принести гостям по дежурному блюду.

И приступила к рассказу.

* * *

Южане тоже испокон веков живут среди своих рек и на островах – среди рек вечных песков и на островках-оазисах. На заре времён Юг был буйным и диким: вырезать в набегах всё население оазиса и забрать в рабство души убитых считалось нормой. Да, души здесь видели всегда. И всегда умели с ними работать – укрощать, подчинять, не отпускать в Мир вечных песков на перерождение.

Однако в какой-то момент владыки оазисов смекнули, что так и до вымирания недалеко. И останутся в итоге править совершенно пустынным Югом несколько самых сильных колдунов да несметные полчища призраков. И, собравшись на нейтральной территории, владыки договорились – набеги прекратить, повальное рабство призраков запретить, а до тех оазисов, где нет владык, собрав сводные отряды, донести: будут набеги – все владыки против объединятся. И вырежут несогласных под корень.

Население после этого стало прибывать, но не слишком.

Тогда-то колдуны и постановили: как можно скорее отпустить большинство рабов. И если брать новых, то только отпуская прежде старых. Чтобы они перерождались в новых людей. Великим пескам, как ни молись, ничего не взять там, где пусто.

И на очередном сборе было решено следующее. В услужение брать только преступников и только тех, кто сам хочет остаться и очистить душу от грехов. Слуг (уже не рабов, да, и слуга мог в любой момент сказать, что всё, он своё отработал, и хозяин обязан его отпустить) будет иметь ограниченное количество людей. Например, мать, потерявшая единственного ребёнка и неспособная к деторождению, или многодетные семьи, или колдуны, или люди опасных профессий (те же сыскники). И, конечно, люди с деньгами свою дорожку к призракам протоптали – за очень большую плату им позволили с личного одобрения владык нанимать слуг, но всё-таки не больше пяти-семи на семью.

Однако чем меньше в мире мёртвой силы призраков, тем меньше её в людях. И постепенно большая часть южан утратила навыки активной работы с духами. Одни разучились видеть призраков, только слышали, вторые – наоборот, лишь видели. И навыки призыва потеряли все, кроме колдунов, и призрачные помощники (уже не слуги, а именно помощники – добровольные) остались только у колдунов – то есть у людей с врождённым даром, который никак не отреагировал на уменьшение толпы призраков.

А всем остальным работать с духами запретили законодательно – на всякий случай. Нужен помощник? Испрашивай разрешения у своего владыки и обращай к тюремному колдуну. Однако уже много веков помощников имеют только колдуны.

* * *

– А почему вы заинтересовались формой знаков? – Рьен вопросительно поднял брови.

Мастер Тьёш же сыто вздохнул, отодвинул поднос с опустевшей посудой, промокнул усы салфеткой и попытался сосредоточиться на разговоре.

– Каждый колдун использовал свои заклятья для работы с душами, – объяснила матушка Шанэ. – Эти знаки на теле – вроде подписи. Когда преступников было несколько и все хотели очиститься через добрые дела, колдун беседовал с каждым, приходил с кем-то к соглашению и помечал своего. А когда преступника казнили, душа через метку находила колдуна, чтобы остаться служить. Это ведь не только на теле метка, но и на духе. В первую очередь – на духе.

– А кто казнил? – полюбопытствовал приезжий сыскник. – Преступника? Не колдун?

– Нет, конечно, – отозвалась матушка. – Палачи, как и у вас. Колдунам нельзя, они же вроде обычных людей. Даже тем, кто на службе при владыках состоял, не разрешалось. У

них другая работа.

Рьен откинулся на спинку стула и, тщательно подбирая слова, медленно спросил:

– Скажите, матушка... Почему же в одном месте... столько разных меток? Семь жертв – и все с разными метками? Это что же... банда?

Мастер Тьёш выпрямился, выпятив грудь, – давая понять, что он готов к работе. К любой. Колдун или обычный человек, один или банда, неважно.

– Не думаю, – качнула головой матушка Шанэ, задумчиво вертя в руках пустую чашку. – Видишь ли, сынок, я те времена не застала – даже моя прабабка в дни появления последних запретов была совсем девчонкой. Я лишь знаю, что у каждого колдуна имелись свои заклятья и свой песок – мы его как вы воду используем. И вроде как – вроде как, сынок, заметь! – никто песком, который колдун готовил для себя, воспользоваться не мог. Однако колдуны тоже умирали. Их имущество забиралось наследниками или уходило с молотка. А готовый колдовской песок тоже был имуществом. И тоже уходил на сторону. Понимаешь?

– Некто мог насобирать по всему Югу старые заклятья и подобрать к ним ключи? – нахмурился Рьен. – А потом приехать сюда... казнить? Убивать тех, кого никто не хватится? Чтобы набрать слуг?

– Нет, не слуг, – поправила матушка. – А помощников. Поэтому он так соблюдал сезонность. Зимой колдовской си-

лы рек мало, весной – больше, летом – ещё больше, к осени она идёт на спад. А в Мёртвое время – в пару недель между осенью и зимой – наоборот, огромный выплеск. Хочешь помощника тихого, покорного и почти бессильного – казни зимой. Хочешь сильного и способного к колдовству – летом, а ещё лучше – в Мёртвое время. Годные слуги получались в любое время, а вот помощники – в определённое.

– Понятно... – протянул Рьен. – Так кого нам искать?

– Боюсь, с этим не помогу, – матушка Шанэ расстроено поджала губы. – Это может быть и южанин, и полукровка, и даже северянин. Даже ты, сынок, если поживёшь несколько лет среди вечных песков, начнёшь видеть призраков или слышать их голоса. Это не врождённое свойство южной крови. Это дар земли. И северный колдун, поживши на Юге, способен делать то же самое, что и южный.

– И то хлеб, – осторожно заметил мастер Тьёш и быстро допил чай. – Спасибо.

– В любом случае это колдун, – хмуро отметил Рьен, вставая из-за стола, – которому зачем-то понадобилась толпа помощников. Зачем?

– Они полезны, – пояснила матушка. – У меня тоже несколько есть. Найти, принести, защитить... Но у меня и договоры есть с каждым. Прижизненные. На определённый срок. Заверенные в южных тюрьмах. Показать?

– Не стоит. Вряд ли я разберусь в ваших законах. У вас есть репутация, и хватит об этом. И ещё вопрос. Кто на Юге

следит за соблюдением договоров и работой колдунов? Как вычислить тех, кто действует вне законов? – Рьен взял плащ и шляпу.

– Никак, – развела руками матушка. – У нас, если честно, и не следят за этим. Но наши колдуны и казнить не будут. Незачем подставляться. Нарушение законов – это вечность в помощниках при тюремных колдунах. Зачем нам это? Достаточно же прийти в любую тюрьму и договориться.

– Значит, всё же северянин? – вопросительно посмотрел мастер Тьёш, проворно застёгивая плащ. – Или нашего бы тоже в ваши тюрьмы по делам пустили?

– Скорее всего, нет, – признала матушка Шанэ. – Но призрачных помощников иметь захотелось и... На Юге ритуалы проводить рискованно: да, у нас не следят за работой колдунов, но могут проверить договоры и количество помощников, если покажется, что что-то не так. А здесь... Замёрз бродяга. Стащил мальчишка бутылку вина и отравился. Не выдержало у старушки сердце. Ничего необычного.

– Ещё раз, матушка, – Рьен опёрся о спинку стула. – Между нашими и вашими колдунами есть разница?

– Нет, – твёрдо ответила она. – И я, если очень захочу, смогу работать с водой рек. И северянин – с песком. Не без проблем – есть небольшой конфликт сил, – но с общими заклятьями мы справимся. А чтобы видеть здесь души и не утратить дар южной земли, довольно иметь её при себе. Хоть немного, – и матушка, встав, вытащила из кармана передни-

ка небольшой потёртый мешочек. – Вроде этого.

– Значит, мы ищем северянина. Или полукровку. Или мужчину, или женщину. Может, даже пару колдунов, раз требуется так много помощников. Вероятно, в возрасте, потому как и пожить надо на Юге несколько лет, и найти необходимые для колдовства знания и чужой песок. Обитать неизвестный может где угодно, и в Мелкодонье, и здесь, и в любом другом городе-соседе. А с собой будет мешок песка, – подытожил Рьен и выпрямился. – Спасибо, матушка.

– Семь, – она улыбнулась. – На начальном этапе работы один помощник – один мешочек с песком. Вряд ли у неизвестного хватит опыта смешивать пески и хранить помощников в одном месте. Поэтому – семь мешочков. Если неизвестный думает, что его не ищут и вы не в курсе особенностей южного колдовства, то может носить с собой всех помощников. Но хотя бы один точно будет при нём. Это во-первых. А во-вторых, после смерти призраки могут быть агрессивными. Неуживчивыми. Буйными. Колдун затаится там, где можно спрятать шумную толпу из семи духов. И точно рядом с реками, чтобы помощники набирались от них сил. Не думаю, что это Мелкодонье. Колдовской силы-то где больше?

– Намёк ясен. Спасибо, – Рьен склонил голову. – Если вы ещё что-то вспомните, дайте знать.

– Зачем?.. – слабо и с плохо скрываемым облегчением запротестовал мастер Тьёш, совершенно не рассчитывавший

на помощь.

Раз убивали в Мелкодонье, то и искать по правилам именно ему, местному сыскнику. Хоть где искать – хоть там, хоть здесь. Самостоятельно.

– У нас скучно, – пояснил Рьен, повязывая шейный платок. – С теми, кого режут в трущобах, и без меня справятся. А мы с вами займёмся нормальным делом. Доброго дня, матушка.

– Доброго, – поклонился приезжий сыскник.

Когда мужчины покинули крохотную «ужинную», где проходило совещание, матушка Шанэ спрятала обратно в карман мешочек с песком, села за неубранный стол и крепко призадумалась.

Ищеек отправлять поздно – туманом рек давным-давно все следы смыло как с тел, так и с (возможно) потерянных убийцей предметов. Разведчиков – тоже, до следующей казни (если, конечно, колдун не угомонился) слишком много времени, осень-то только началась. И просто песок разведчик не учует, а колдовать на каждом шагу неизвестный вряд ли будет. Как и помощниками светить. Да и молоды они слишком – новые чужие помощники-то. Чтобы создать материальную, сильную и полезную форму, помощнику не один год требуется.

Время есть... но немного. Остаётся... Чудья? Таинственная колдунья из семиреченских трущоб? Почему бы и нет? У зятя сохранились подходы и к местным злачным местам,

и к Чудье. А она может найти кого угодно и где угодно, если верно составить вопрос и хорошо заплатить. И не упоминать сыскников.

Значит, колдовство на колдовство. И всё честно.

* * *

– Добрый день, сынок, – ласково улыбнулась матушка Шанэ.

Ньён поспешно вынырнул из сундука, подскочил и натянуто улыбнулся:

– Здрассьте, ма.

Знакомство Айлэ, третьей дочери матушки, с будущим мужем было простым, но запоминающимся – Ньён караулил её в подворотне, чтобы ограбить. Айлэ работала с душами тех, кто умер во сне, но силы пока имела мало, поэтому частенько бродила по ночному городу с золотым огоньком для заблудших и парой помощников для охраны. А молодой вор, конечно, тоже работал и знать не знал ни о каких помощниках. И тем более не предполагал, что обычная ночная вылазка закончится тем, что его уронит и прижмёт к мостовой нечто невидимое, тяжёлое, рычащее и слюнявое.

– Ты! – Айлэ присела рядом с Ньёном, посмотрела на него внимательно и решительно сказала: – Ты будешь моим мужем. И не спорь. Не то не отпущу.

– Что, прямо сейчас в храм?.. – съязвил он испуганно.

– Конечно, – улыбнулась Айлэ. – А завтра ты завяжешь со своим ремеслом и познакомишься с моей мамой. Если понадобятся деньги, чтобы откупиться от своих, то мы дадим. Сколько нужно.

Когда позже матушка поинтересовалась, что дочка нашла в этом тощем светловолосом пареньке, она ответила просто и веско:

– Он не испугался.

Хотя на самом деле Ньён ещё как испугался. И до сих пор до дрожи боялся и призраков, и особенно матушку Шанэ. Выросший в трущобах, на бедных островах и среди бедняков, он рано научился разбираться в людях и чуял тех, кто с двойным дном. И матушку Шанэ считал из таких – добрая, улыбочивая, но опаснее неё он мало кого встречал.

И сейчас она явно не поболтать пришла.

– Вы по делу, ма? – осторожно спросил Ньён, закрывая сундук и присаживаясь на крышку.

Завязав с воровством, он, поупрямившись для вида, нашёл себя в семейном деле, стараясь держаться как можно дальше от чайной – на самых дальних складах, куда в избытке свозились южные травы, специи и песок – огромные мешки песка, который исчезал с поразительной быстротой. Ньён старательно делал вид, что его это не интересуется, а сам разнюхал – на колдовство песок уходит. Южане Семиречья полными лодками его вывозили. Так-то.

– По делу, – кивнула матушка Шанэ. Тоже присела на

крышку сундука и деловито сообщила: – Мне нужен ответ от Чудьи.

Ньён присвистнул:

– Ма, а я вам говорил, сколько она берёт за один вопрос?

– Даже больше дам, – пообещала матушка. – Потому что срочно.

– Это для вас или для того сыскника? – прищурился зять.

– Для меня, – заверила матушка Шанэ, и её тёмные глаза стали холодными, колючими. – Так и передай своей тётушке – это для меня. Представь себе, сынок, какая-то, да простят меня пески за слова нехорошие, тварь, впитав южную силу и скупив чужие южные заклятья, приехала на Север, в Мелкодонье, и начала убивать. Убивать! Казнить невинных ради новых помощников!

А Ньёна поразило другое.

– Кто вам сказал?.. – пробормотал он.

– Земля слухами полнится, – усмехнулась матушка. – И я знаю, что Чудья раньше сыскной была, что у неё уникальный дар – не просто предвиденья, но и... предзнания. И прежний начальник её выжал так, что Чудья чуть навсегда без силы не осталась. Поэтому она ненавидит сыскников и не хочет им помогать. Поэтому – для меня. На кону честь семьи, сынок. И честь южного колдовства. Нельзя, чтобы про нас думали, будто мы убиваем, чтобы стать сильнее. На Севере живёт немало южан. Нельзя, чтобы нас начали бояться и ненавидеть из-за одной сволочи, которая к тому же явно север-

ная.

Ньён осмыслил услышанное, поёжился и согласился:

– Сейчас же пойду.

– Возьми, – матушка Шанэ достала из кармана плаща мешочек и письмо. – Плата и записка. Зачитай слово в слово и запомни ответ – тоже слово в слово. И передай мою благодарность. А если твоя тётушка захочет с нами познакомиться... – и она улыбнулась. – Хотя, кажется, мы давным-давно знакомы, и Чудья иногда забегает ко мне на чай. Поэтому, – на крышку сундука лёг второй мешочек, – травы для твоей тётушки. Просто так.

– Нет, ну кто вам сказал-то? – досадливо насупился зять.

– Допустим, духи в ожидании Призрачного причала сплетничают, – подмигнула матушка и посерьёзнела: – Жду ответа, сынок. Как можно скорее. Нельзя, чтобы этот колдун сбежал из Семиречья.

– А он точно здесь? – Ньён проворно убрал за пазуху и плату, и письмо.

– Точно. Этот колдун или колдунья здесь. Вряд ли в Мелкодонье или ином городке-соседе – чужаку там надолго не спрятаться, а за своим странности заметят сразу. Думаю, убийца там даже комнату не снимал и появлялся ближе к ночи. Последняя смерть была в первый день осени, то есть он точно успел первично укротить душу и сбежать подальше от места преступления, – матушка встала, оправив плащ. – Семиречье – что стог сена для иголки. Огромная территория,

огромное количество жителей. И океан колдовской силы. Он здесь. И я хочу понять, где именно. Хотя бы остров. Хотя бы имя реки.

– Понял, – зять тоже встал. – Вас проводить, ма?

– Нет, сынок, – она улыбнулась. – Работай. Извини, что отвлекла.

* * *

Сидя в лодке, матушка Шанэ рассеянно поглядывала по сторонам. Накануне несколько дней подряд шли дожди, а сегодня по Семиречью бродила колдовская дымка – густая, как сметана, с утра, зыбкая к середине дня. Над болотного цвета водами реки Мелкой плыли рваные зеленоватые клочья тумана. Острова кутались в полупрозрачное марево, в котором темнели парапеты набережных, огрызки оград, крыши домов да влажная листва, и в тишину. Лишь плескались у лодочных бортов волны да изредка всхлипывали в глубинах парков пичуги.

Хороший сегодня день – тихий, не дождливый. И вечер тоже должен быть хорошим во всех отношениях. И главной вечерней удачей станет подсказка от Чудьи. А с подсказкой всё равно, какая будет ночь – хоть дождливая, хоть туманная, хоть штормовая.

Давным-давно, объясняя местным сыскникам суть своего дара и доказывая его полезность, матушка пообещала – и

тогдашнему главе отдела убийств, и себе, – что никогда не будет участвовать в расследовании или расследовать сама. Нет, её дело – как можно скорее рассказать о случившемся, найти по свежим следам хоть что-нибудь и дать совет, если потребуется. Всё.

Но сейчас... Да, не просто честь семьи на кону. Но и честь южного колдовства. Хвала пескам, Рьен ей верит и за годы работы матушка Шанэ создала себе определённую репутацию. И есть шанс замять эту гнилую историю и запереть её в архивах Сысского ведомства. Главное – чтобы простые люди не узнали. Это на Юге призрачные помощники в порядке вещей, а колдуны работают по правилам и чтут древние законы. На Севере же всё иначе. Сильно иначе.

Когда лодка подошла к мосту – горбатому, деревянному, с резными перилами, высоко поднятому над водой, – в тумане показалась одинокая фигура. Сутулый бродяга в рваном плаще любовался течением реки и, заметив лодку, помахал, поклонился.

– Тормозни у моста, любезный, – попросила матушка.

Лодочник подгрёб к берегу и ухватился за крюк, вбитый в парапет. Матушка Шанэ пересела ближе к борту, а бродяга быстро сбежал с моста.

– Возьми, милый, – матушка вынула из карманов ещё два мешочка. – Вот здесь деньги, а здесь – травы к чаю. А нужна будет работа – приходи в чайную, что на Третьем острове. Она там одна.

Бродяга дрожащими руками принял дары и молча поклонился, жестом показав, что не говорит.

– Это не проблема, – матушка Шанэ улыбнулась. – Слух-то есть? Хорошо. Руки-ноги на месте? Отлично. Зима скоро, негоже по улицам плутать. Погонит в путь по весне Кипучая – отпустим, а на зиму приходи. И крышу над головой найдём, и стол будет, и серебрушек заработаешь для новых странствий.

Бродяга тоже улыбнулся и снова поклонился.

– До свидания, сынок, – кивнула она и вернулась на лавку. – Любезный, отчаливаем.

Вечные странники – так называли бродяг и на Юге. Где их было очень мало. Это на Севере чуть беда – и человек оказывается на улице, и никому нет до него дела (а в дешёвых городских гостевых домах и бесплатных ночлежках не всегда есть свободное место). На Юге всех одиноких и обездоленных в семьи забирают, даже стариков свой век доживать. И редкие странники – это не обнищавшие бродяги, как на Севере, это мудрецы-путешественники. Странствия – это их работа: связывать вестями оазисы, рассказывать о мудрости прошлого и настоящего, становиться сильнее через испытания пути и учить силе духа других.

А здесь...

Обитаемому Югу некуда расширяться – напротив, время от времени, когда иссякали водные жилы и умирали островки жизни, он сжимался. А Север год от года разрастался го-

родами да деревнями – и становился всё черствей и бездушной к людям.

Лодочник выгреб на середину Мелкой, отложил вёсла и наполнил парус новым ветром из склянки. Фигура бродяги быстро скрылась в тумане. Матушка Шанэ нахмурилась. А ведь ещё нужно придумать, что делать с душами-помощниками... Если привязка к хозяину сделана по всем правилам и напитана силой, помощникам даже после его смерти придётся долго, от луны до года, ждать Призрачного причала.

А впрочем, внушки подрастают и уже тянутся каждая к своему огоньку. Старшим пора и с помощниками поработать. Матушка с лета размышляла о большой семейной поездке на Юг – и родню повидать, и помощников девочкам подобрать, – но если духи не смогут уйти и согласятся сотрудничать, доброе дело найдётся. Каждому. Но матушка очень надеялась, что у северного самоучки ничего путного и крепкого не получилось. И достаточно будет усыпить невольных помощников в песке – до Причала.

Через час река Мелкая, сузившись, упёрлась в остров-перемычку и, сливаясь с серебристой рекой Тягучей, сменила цвет на светло-зелёный. Крохотный Сто Второй островок в центре слияния двух рек был необитаемым, а находились на нём лишь парк с беседками да четыре моста на крупные близлежащие острова. Сейчас, правда, туман скрывал всё, кроме одного моста на Двадцать Шестой остров, да и тот словно выныривал из ниоткуда и исчезал в зыбкой мо-

лочной пелене.

Лодка проскочила под мостом, и её владелец достал новую склянку, меняя направление ветра. Вдоль Двадцать Шестого по Тягучей – и вот матушка и дома. Она сразу ощутила привычное разочарование. Сколько лет живёт на Севере, сколько путешествует по рекам – а каждый раз разочаровывается, когда водная прогулка подходит к концу.

Когда-то, когда матушка Шанэ была совсем юной, их семья приютила странника. Накормила, обогрела, не пожалела воды помыться, а странник отблагодарил долгими красивыми рассказами о таинственном Севере. Где жара – всего две-три луны. Где бывает так холодно, что люди кутаются во множество тёплых одежд. Где столько воды, что в жизнь не испить, а купаться можно часами. Где реки воды текут и по земле, и с небес. Где бывает удивительное явление – снег: замёрзшая и нетающая белая вода. Где колдовство – это тоже вода, и души приходят из рек, а после смерти ждут на Призрачном причале Лодочника, который отвезёт их в Мир вечных вод. И где можно сесть на лодку и плыть, плыть, плыть в туманную неизвестность...

Через несколько дней странник ушёл, а молодая Шанэ, погрезив с полгода колдовскими реками, водами и лодками, поговорила с родителями и, прихватив мужа и узелок с вещами, отправилась на Север. Полюбоваться реками воды, как она всем говорила. И до сих пор любит, и до сих пор они не отпускают. Для мужа, как и для многих южан, север-

ная погода оказалась губительной, и ни колдуны-лекари, ни собственное колдовство, ни чай не спасли. Однажды вечером он ушёл в реку Чёрную, а в полночь обычное пламя матушкиной свечи стало голубым – дар определился с направлением и тем самым дал ей новую цель. И новый смысл жизни.

С тех пор она перед каждой полуночью зажигает голубой огонёк для умерших не своей смертью. И лишь чужое злое вмешательство не пустило к ней тех несчастных из Мелкодонья. Но это поправимо. Главное – узнать, где. Рьен-то об этом вряд ли скажет, положившись на своего колдуна. Который ничего не сможет противопоставить призракам, ибо и не видит их, и не слышит. И, кажется, не шибко-то в них верит.

* * *

– Вы так идёте, будто знаете, – пропыхтел мастер Тьёш, с трудом поспевая за своим быстро шагающим спутником.

На середине моста Рьен обернулся, но не для ответа. А чтобы увидеть, как из дверей чайной выскользнула знакомая фигурка и быстро растворилась в тумане. Кто бы сомневался... Нет, обычно матушка Шанэ держится в стороне, но дело этих бродяг слишком сильно ударит по южному колдовству, если всплывёт.

А если они нужное не раскопают, то матушка-то точно найдёт. Значит, надо спешить. Во время рассказа Рьен не раз

замечал в её глазах странное выражение и заподозрил, что пощады убийце, если матушка Шанэ доберётся до него раньше, не будет. Сейчас-то северяне считают пожилую улыбчивую южанку просто странной, но если хоть одна живая душа узнает о помощниках южных колдунов...

Рьен ускорился, на ходу объяснив приезжему:

– Ещё лет пятьдесят назад один наш сыскник придумал оборудовать для преступников... логова. Это заброшенные дома на небольших отдалённых островах с плохой историей. Истории, кстати, тогда всем отделом сочиняли сами, а после распускали слухами среди семиреченцев. Проклятые дома, земли бывших кладбищ, подвалы с привидениями... и так далее. Большинству преступников нужны укромные места, и мы их создали. Капканы по сути, в которые регулярно кто-нибудь ловится. В основном воры, которым плевать на проклятье, лишь бы добро припрятать там, где подельники не найдут – побоятся. Но и убийцы не раз попадались. Они верили, что сыскники – тоже люди и тоже боятся проклятий, а им-то, душегубам, терять уже нечего. А мы следим за обстановкой, и только пройдёт слух об отдалённом и проклятом месте – мы его сразу под колпак.

– О-о-о... – с удивлением протянул мастер Тьёш.

– Проверим для начала старые сети. А там видно будет.

В тумане показалась нахохлившаяся фигура помощника.

– Ну что? – на ходу спросил Рьен.

– В пяти местах артефакты сдохли, – хмуро поведал Мьёл,

ёжась. Он ненавидел сырость, хотя был коренным семире-
ченцем. – Туда ехать надо. Остальное в кабинете покажу.

– Группы уже отправил?

– Конечно, нет, – искоса глянул колдун. – Кто знает, что
вам эта ваша из чайной наплетёт. А вдруг опять про духов.
У нас не так много людей, чтобы с ненормальными всякими
воевать.

– Всё правильно. Это опять про духов. И про ненормаль-
ных. Которых нам с тобой не увидеть, не понять и, боюсь,
не поймать.

– Вы что ж, и колдунью с собой возьмёте? – вздрогнул
Мьёл.

– Помяни моё слово, это она нас с собой возьмёт, – фырк-
нул Рьен.

– Ну и зря, – сморщился помощник.

Суровое серое здание Сысского ведомства – четырёх-
этажное, утопающее в мокром красном золоте деревьев, вы-
строенное полукругом – пряталось в тумане до последнего.
Правое крыло – убийства, левое – кражи, центральное – всё
остальное, так называемый отдел общих правонарушений: от
незаконного пребывания в городе до пропавших собачек.

– Осмелюсь заметить, простите, нет. Не зря, – осторожно
вставил мастер Тьёш, едва поспевая за быстрыми сыска-
ми. – Сам-то я одно время в Приграничье жил и работал.
Много южных колдунов повидал. Они с виду тихие, и кажет-
ся, что только с духами общаются. Но нет. Когда ярмарки

случались, колдуны такое с песком творили...

Мьёл пренебрежительно хмыкнул, но смолчал о том, что лишь для ярмарок южане и годятся. Наставник крепко вколотил, что собратьев по ремеслу надо уважать. Даже если не знаешь, за что именно и точно ли они собратья, а не шарлатаны.

Рьен первым добрался до небольшой дверки в торце, которая вела к лестнице и напрямиком в его кабинет на третьем этаже. Который, к одобрению главы отдела убийств и удивлению мастера Тьёша, был занят. Невысокий рыжий парень сидел, сгорбившись, за начальственным столом и с упоением строчил очередной отчёт.

– Как дела, Съят? – Рьен, прищурившись, быстро оценил количество папок слева и справа от парня – обработанных было на порядок больше. – Заканчиваешь?

– Сегодня доделаю, – проворчал рыжий, недовольный тем, что его отвлекли.

Мастер Тьёш с изумлением посмотрел на гору папок и неловко заметил:

– А я, простите, сам...

– А я смену рашу, – ухмыльнулся Рьен. – Парень ненавидит кровь и трупы, но хочет работать только у нас, а я ненавижу отчёты и прочие бумаги, зато люблю полевую работу. Тьёш, присаживайся. Съят, отвлекись, послушай и черновик набросай. Мьёл, показывай.

Рыжий немедленно отодвинул недописанное и вытащил

из ящика начальственного стола пачку бумаг, новое перо и склянку с колдовством. Деловито проткнул тонкую стенку склянки пером, и оттуда на чистую бумагу выплеснулось чернильно-чёрное облако. Съят бросил склянку в мусорное ведро и вопросительно посмотрел на начальника. Даже строго – давайте, мол, время дорого, дел по горло. И, пока Мьёл расставлял на широком подоконнике свои склянки, Рьен быстро ввёл обоих своих помощников в курс дела.

– Никому не показывать и не рассказывать, – добавил он сурово, обращаясь к Съяту. – Когда закончишь, папку сдашь в секретный отдел архива с пометкой «Получать только с личного письменного разрешения главы отдела». И свою фантазию тоже попридержи. В народ это дело уйти не должно. Ни в каком виде.

Рыжий помощник понятиливо кивнул. Помимо высокохудожественных отчётов он увлекался и рассказами, сюжеты для которых не мудрствуя лукаво брал прямо из закрытых дел, переделывая лишь имена. А после отправлял в «Вести Семиречья», где печатался под псевдонимом. Рьену как-то попался на глаза один из рассказов, но ругать своих он не любил. Поэтому, взяв газету, подошёл к Съяту и тихо спросил:

– А если это сейчас читает та семья, которая до сих пор не оправилась от трагедии? Не можешь придумать сюжет сам, бери старые дела – пяти-десятилетней давности. Но не свежие. И добавляй больше деталей от себя. Понял?

Рыжий ужасно смутился и мгновенно внял. И с тех пор следовал начальственному совету во всём.

Мьёл стукнул по подоконнику, привлекая внимание.

– Двести Пятый остров, – провозгласил он и разбил склянку.

Над столом сгустилось чёрное облако, из которого постепенно выступили детали – заброшенный дом с заколоченными окнами, неухоженные колючие кусты вокруг, низкие ветви деревьев над остатками крыши, клочья обычного тумана повсюду. Никаких следов деятельности «видящие» артефакты не отмечали.

– Дальше, – кивнул Рьен.

Колдун помахал рукой, и картинка развеялась, как дым на ветру.

– Восемьдесят Шестой, – Мьёл разбил следующую склянку.

Изъязвлённый временем, но всё ещё величественный трёхэтажный особняк, окружённый древними елями, угрюмо глянул на людей чёрными провалами окон.

– Пусто, – быстро изучил «мышеловку» Рьен. – Дальше.

А когда двадцать три «ловушки» закончились, он признал неизбежное:

– В лодку. По очереди к тем пяти островам, где сдохли артефакты. Заодно и обновим.

– А если и там пусто? – Мьёл уже быстро подметал пол, убирая осколки склянок.

– Копнём в другом месте, – Рьен пожал плечами. – Долго, что ли, разведать, кто в знаковые дни на сутки арендовал лодку?

– А если у него своя? – колдун вернул веник в угол, отряхнул руки и застегнул куртку.

– На границе Семиречья отмечаться так и так надо. Тем более своим, чтобы пошлину не платить. Много ли, думаешь, найдётся тех, кто по первым-последним лунным дням в Мелкодонье навевывался? Дорога-то из Семиречья туда одна. И там-то отмечаться не нужно. И очень, кстати говоря, зря наши соседи никак не установят пропускную систему. Хотя бы вот для таких дел.

– А если он всё же не здесь? И вообще после каждого убийства в разных городах прятался и из разных мест всегда в Мелкодонье приезжал? – не унимался Мьёл. – Мало, что ли, бесхозных островов вне городских границ? Поставил землебитку, навёз туда жратвы и сиди луну. А как время, так приехал, днём закупился, ночью убил – и ищи ветра в поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.